

Проблема субъектности искусственного интеллекта

Аннотация. В связи с проблемой включения в гражданский оборот объектов, произведенных искусственным интеллектом (ИИ), должен быть решен вопрос о субъектности прав на них. Как одно из возможных решений (некоторые исследователи называют его основным) рассматривается наделение статусом субъекта права самого искусственного интеллекта. Статья посвящена критике такого подхода.

Социальное поведение людей формируется на основе их физической сущности, эта взаимосвязь останется действующей и в дальнейшем. Очевидно, что физической сущности искусственный интеллект заведомо лишен. Даже если говорить о юридическом лице (в ряде систем, являющихся фиктивными образованиями), последствия его деятельности так или иначе возлагаются на лиц физических.

Представляется целесообразным наделять ИИ объектной характеристикой интеллектуального комплекса — по аналогии с имущественными комплексами в гражданском праве, закрепив первоначальные права за разработчиками программ для ЭВМ. Рассмотрение же ИИ в качестве субъекта гражданского правоотношения не только не оправданно, но и препятствует доктринальному решению вопроса правосубъектности, которое является необходимой предпосылкой формирования норм действующего законодательства.

Ключевые слова: интеллектуальные права; искусственный интеллект; результаты интеллектуальной деятельности; программа для ЭВМ; нейронная сеть; субъект права; электронное лицо; юнит; правосубъектность; юридическое лицо.

Для цитирования: Зыков С. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 131–139. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.131-139.

The Problem of Subjectivity of Artificial Intelligence

Sergey V. Zykov, Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer, Novosibirsk National Research University
zykovsv@yandex.ru

Abstract. In connection with the problem of inclusion of objects produced by artificial intelligence (AI) into civil transactions turnover, the issue of subjectivity of rights to them must be resolved. One of the possible solutions (some researchers call it the main one) is considering granting the status of a subject of law to artificial intelligence itself. The paper is devoted to criticism of this approach.

The social behavior of people is formed on the basis of their physical essence, this relationship will remain valid in the future. It is obvious that artificial intelligence is obviously devoid of physical essence. Even if we talk about

© Зыков С. В., 2024

* Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, старший преподаватель Новосибирского национального исследовательского университета
Николаева ул., д. 8, г. Новосибирск, Россия, 630090
zykovsv@yandex.ru

a legal entity (in a number of systems, which are fictitious entities), the consequences of its activities are one way or another assigned to individuals.

It seems appropriate to endow AI with the object characteristics of an intellectual complex — in line with property complexes in civil law, assigning initial rights to computer program developers. Considering AI as a subject of civil legal relations seems not only unjustified, but also prevents a doctrinal solution to the issue of legal personality, which is a prerequisite for the formation of the norms of current legislation.

Keywords: intellectual rights; artificial intelligence; results of intellectual activity; computer program; neural network; subject of law; electronic face; unit; legal personality; entity.

Cite as: Zykov SV. The Problem of Subjectivity of Artificial Intelligence. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):131-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.131-139.

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) ставит проблему правовой охраны полученных с его использованием результатов. Она подразумевает решение вопроса о субъекте прав на такие результаты, который рассматривается в подавляющем большинстве публикаций данной тематики. Эта задача нормативно закреплена в разд. 12 Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года¹, где она увязывается с толкованием понятия творческого вклада и с использованием результатов деятельности третьих лиц.

Следует признать правильным, что названная Концепция не дает указаний, предопределяющих решение вопроса субъектности в данной сфере, оставляя исследователям свободу научного творчества. В то же время последние остаются без каких-либо ориентиров, поскольку в подавляющем большинстве зарубежных правовых порядков (за исключением Великобритании) проблема законодательно не решена, а нормативные правовые акты, в которых упоминаются отношения, связанные с использованием ИИ, как национальные, так и международные (в том числе Европейского Союза), содержат главным образом нормы-декларации и нормы-принципы, из которых нельзя вывести решение рассматриваемой проблемы.

Существует несколько вариантов решения вопроса. Первоначальными субъектами исключительного права на результаты, произведенные искусственным интеллектом, могут быть: автор программы для ЭВМ; «учитель» ИИ; оператор (пользователь) ИИ. Применительно к указанным субъектам возможна множественность, причем связанная не только с совместной одновременной деятельностью, но и с последовательностью во времени (например, «обучение» ИИ на разных этапах разными лицами). Кроме того, часть функций участников отношений может передаваться иным лицам на основании гражданско-правовых договоров; необходимо также урегулировать отношения с авторами-работниками. И это даже не говоря о том, что использование результатов, полученных с помощью ИИ, может быть связано с использованием других охраняемых объектов.

Неудивительно, что во многих работах рассматривается несколько вариантов определения субъекта прав на результаты деятельности ИИ, нередко без указания на предпочтительный. Этот распространенный подход справедливо обозначен одним из его адептов как «мультимодальный»². Желание сохранить на данном этапе максимум возможностей объяснимо, но этим путем мы не решим практические проблемы правовой охраны, связанные с функционированием ИИ.

¹ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года».

² Морхат П. М. Право на результаты интеллектуальной деятельности, произведенные юнитом искусственного интеллекта: гражданско-правовые проблемы // Право и государство. 2018. № 1–2 (78–79). С. 212.

В современном российском праве встречаются работы, в которых закрепление прав непосредственно за ИИ на произведенные им результаты сознательно исключено из рассмотрения³, но они составляют явное меньшинство публикаций по данной теме.

В статье будут рассмотрены основные подходы к концепции субъектности ИИ, начиная с исследований, в которых она непосредственно отстаивается.

Следует отметить, что к теории самостоятельной субъектности ИИ российских исследователей в значительной степени подталкивают некоторые зарубежные исследования (в частности, концепции неличных субъектов, искусственного юридического лица)⁴. М. А. Рожкова отмечает, что данный подход был оживлен в результате принятия Резолюции Европарламента от 16.02.2017 2015/2013(INL)⁵. Нельзя не отметить, что такие концепции вписываются в актуальные тренды. Утрачивая в современном обществе социальные и эмоциональные связи с другими людьми, человек переносит свои привязанности не только на домашних питомцев, но и на виртуальные или технические объекты, персонифицирует их.

Вопрос о субъектности ИИ в большинстве случаев не ставится жестко и однозначно, как правило, обозначается в качестве дискуссионного. К сожалению, не всегда можно проследить

аргументацию этой концепции. Например, когда рассматривается единственная альтернатива «правосубъектность юнитов ИИ, сопоставимая с правосубъектностью физического лица» либо «правосубъектность юнитов ИИ, сопоставимая с правосубъектностью юридического лица»⁶, такая постановка вопроса предопределяет его решение. Основываясь на невозможности применения понятия вины к ИИ⁷, авторы делают вывод о рациональности «использования концепции правосубъектности ИИ по типу юридического лица либо электронного лица» (оговаривая ее «небесспорность»)⁸.

Аналогичным образом В. В. Архипов и В. Б. Наумов представляют варианты концепций: а) работа как животного; б) работа со статусом, аналогичным статусу юридического лица. Аргументом в пользу первого подхода является наличие, по их мнению (достаточно спорному), объединяющего признака — воли, «способности к автономным действиям»⁹, но они отклоняют данный подход на том основании, что у роботов, в отличие от животных, нет эмоций¹⁰. С другой стороны, по мнению исследователей, нет препятствий для наделения роботов статусом, аналогичным статусу юридического лица, поскольку «в обоих случаях речь идет о создании искусственных конструкций»¹¹. Рассматривая признаки юридического лица, авторы приходят к выводу, что большинством из них

³ См., например: Яровой А. В., Быстров Д. С. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые технологией искусственного интеллекта // Искусство правоведения. 2022. № 2 (2). С. 20–25; Харитонова Ю. С., Савина В. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524–549.

⁴ Голованов Н. М. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1. № 9 (21). С. 24–25.

⁵ Рожкова М. А. Станет ли искусственный интеллект самостоятельным субъектом права? // Хозяйство и право. 2021. № 6. С. 17.

⁶ Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 32–46. С. 34.

⁷ Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Указ. соч. С. 43.

⁸ Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Указ. соч. С. 44.

⁹ Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правообъектности // Закон. 2017. № 5. С. 164.

¹⁰ Архипов В. В., Наумов В. Б. Указ. соч. С. 162–163.

¹¹ Архипов В. В., Наумов В. Б. Указ. соч. С. 167.

(наличие обособленного имущества, способность выступать от своего имени и т.д.) «роботы» могут быть наделены законодательством. Исключение делается для признака организационного единства, но, по их мнению, он «не имеет принципиального значения»¹². В критике данного подхода отмечается, что данный признак является обязательным для юридического лица¹³, с чем трудно не согласиться, но одной такой констатации, считаем, недостаточно: технически эта проблема решается, вполне можно настроить ИИ на принятие решений, например касающихся совершения сделок. Проблема в том, что за любым юридическим лицом стоят люди, именно через них, в качестве органов или участников, действует юридическое лицо, приобретает гражданские права и обязанности. Согласно ст. 53.1 ГК РФ именно конкретные физические лица несут ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу.

В рамках религиозных концепций, например христианской антропологии, человек рассматривается как единство души и тела; психологические теории также констатируют наличие базовых потребностей и инстинктов. Любое понимание личности исходит из тесной взаимосвязи в ней физических и психических начал. Разумеется, телесность человека подвергается социальному воздействию, но остается базисом для преобразований. Например: физическая природа закладывает в нас стремление к получению удовольствия, средством достижения которого являются в том числе материальные блага; соответственно, люди стремятся как минимум к сбережению принадлежащих им материальных ценностей. В рамках гражданского оборота это обеспечивает наличие имущества, за счет которого возможно удовлетворение требований других лиц, в том числе при причинении им вреда, включая случаи безвиновной ответственности. Можно наделить ИИ («роботов» в словоупотреблении рассматриваемых авторов) обособленным имуществом, но где гарантии, что они будут стремиться к его

сохранению (в чем объективно заинтересованы и другие участники гражданского оборота)?

Наряду с преобразованным стремлением к удовольствию, инстинктом самосохранения и т.п., человек приобретает также альтруистические качества, которые тоже во многом связаны с его физической природой, хотя эта взаимосвязь является более сложной. Теоретически можно сформировать у ИИ качества идеальной личности (хотя неочевидны критерии такой «идеальности», на сегодняшний день они очень отличаются в зависимости от мировоззренческих установок), однако как будет обеспечиваться их формирование? Сертификация ИИ для этих целей, очевидно, является технически и организационно крайне сложной задачей, к тому же предполагающей расширение государственного вмешательства в частноправовые отношения. При этом риски всё равно не исключаются, возможен как сбой этих установок (ИИ — не просто программа, а программа саморазвивающаяся), так и труднораспознаваемое внедрение установок вредоносных (в качестве аналогии вспомним компьютерные вирусы, с которыми мы столкнулись еще на заре всеобщей компьютеризации).

Наконец, ни в рассматриваемой, ни в других работах, отстаивающих концепцию субъектности ИИ по модели юридических лиц, мы не находим ответа на самый очевидный вопрос: что мешает рассматривать ИИ как актив тех же юридических лиц, в чем необходимость создания еще одной сущности?

В одном ряду с исследованиями, отстаивающими субъектность ИИ, стоят работы, содержащие критику данной концепции, носящую уточняющий характер.

Например, М. А. Рожкова указывает, что «об искусственной личности надо бы говорить применительно не к продвинутому роботу, а скорее обеспечивающему его функционирование AI»¹⁴. В рамках заданной аксиоматики с этим утверждением трудно не согласиться. В то же время применительно к вопросу об опреде-

¹² Архипов В. В., Наумов В. Б. Указ. соч. С. 166.

¹³ Голованов Н. М. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 19.

лении субъекта ответственности при причинении вреда допустимы различные решения, в частности, признание владельцем источника повышенной опасности собственника или иного владельца робота (с возможностью регресса к разработчику программного обеспечения). Кстати, утверждение М. А. Рожковой о том, что «причинение ущерба вследствие того, что AI принимает автономные решения <...> не охватывается нормами действующего законодательства»¹⁵, на наш взгляд, очень спорное.

Исследователь указывает, что российское право «понимает под юридическим лицом исключительно организацию, в отличие от фикционных теорий в ряде зарубежных государств»¹⁶, очевидно имея в виду, что в рамках второй группы концепций было бы проще рассматривать ИИ как самостоятельный субъект. Следует заметить, что и в рамках правовых систем, предполагающих фикционную теорию юридического лица, за последним всегда стоят конкретные люди. Они наделены, в частности, инстинктом самосохранения, а в тех же США широко используются уголовно-правовые средства воздействия на физических лиц — органы или участников юридического лица — с целью охраны интересов контрагентов последнего.

Наконец, третье возражение касается такого признака, как наличие обособленного имущества. По мнению автора, даже наделение электронного лица имуществом в размере, предусмотренном для обществ с ограниченной ответственностью, «со всей очевидностью не позволит в полном объеме возместить возможный вред»¹⁷. В таком виде возражение звучит

как критика самой концепции юридических лиц, по крайней мере части их организационно-правовых форм.

Иногда при обзоре данной концепции исследователи ограничиваются указанием на саму возможность создания правовой конструкции отношений с участием юнита, без указания хотя бы на самые общие ее черты¹⁸.

Следующий подход можно обозначить как «комбинированная субъектность» ИИ.

Е. В. Вавилин предлагает наделить ИИ «авторскими и исключительными» правами на созданные произведения, налоговыми обязанностями и обязанностями по возмещению вреда, а разработчиков — правами на вознаграждение за создание и использование ИИ (при этом «не исключена возможность» выплаты им разового вознаграждения от использования объекта, созданного системой)¹⁹. Основу аргументации исследователя составляет опасение, что если наделить правами на продуцируемые ИИ результаты разработчика и инвестора (владельца), то в силу высокой продуктивности первого указанные лица получат сверхприбыли, сфера будет монополизирована, а «живое человеческое творчество в скором времени будет обречено стать раритетом»²⁰. Просматриваются подобного рода доводы и у других исследователей²¹. Насколько можно понять, логика здесь в том, чтобы «перетянуть» выгоды от указанных лиц на ИИ. На наш взгляд, указанные проблемы решаются посредством конкуренции: создание ИИ для решения задачи, предполагающей востребованный результат (например, нейросетей для генерации изображения), не всегда требует

¹⁵ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 21.

¹⁶ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 22.

¹⁸ См., например: Морхат П. М. Право на результаты интеллектуальной деятельности... С. 210.

¹⁹ Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 153.

²⁰ Вавилин Е. В. Указ. соч. С. 152–153.

²¹ См., например: Гольцов В. Б., Голованов Н. М. Искусственный интеллект и проблемы принадлежности результатов его интеллектуальной деятельности // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2. № 8 (20). С. 59–65; Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50.

больших финансовых вложений, с этим вполне справляются субъекты малого предпринимательства, отдельные физические лица. Постепенно формируется рынок таких продуктов, плата за их использование вполне доступна (а иногда они предлагаются и на условиях безвозмездности), вопрос о монополизации (по крайней мере в настоящее время) не стоит на повестке дня. Если же дать себя захватить подобным опасениям, то более логичным выглядит предложение исследователей признавать результаты, сгенерированные ИИ, в качестве неохранных. Кроме того, в вышеуказанной работе не представлен правовой механизм включения ИИ в гражданский оборот, автор упоминает лишь о необходимости сертификации и государственной регистрации ИИ²², не формулируя даже требований к сертифицируемому (регистрируемому) ИИ. Неясными остаются отношения ИИ (поскольку признается его субъектность) и разработчиков (пользователей).

Следует также рассмотреть аргументацию критиков субъектности ИИ, которая, нужно признать, не всегда удовлетворительна. Е. Г. Белькова, утверждая, что «отсутствие правосубъектности у технологий искусственного интеллекта в области авторского права требует усиленной аргументации»²³ (на наш взгляд, тезис не слишком соотносится с современным состоянием правовой доктрины), ищет такие доводы в непризнании способности ИИ создавать объекты авторского права. Такой подход распространен среди исследователей. Например, В. Д. Голованов отмечает, что ИИ и его носитель «лишены чувств, эмоций, интересов, которые присущи человеку, вследствие чего творить не могут»²⁴. Аналогич-

ную мысль формулирует М. Н. Комашко: «Произведением (объектом авторского права) некий объект становится не в силу своих объективных характеристик, а благодаря осознанию автором факта создания им произведения, оценке автором созданного им объекта как произведения, а своего труда — как акта творчества»²⁵. Заметим, что общепринятые критерии охраны произведения в авторском праве носят объективный характер, субъективные намерения имеют правовое значение лишь для такого юридического субинститута, как соавторство; проблема разграничения с природными объектами решается заложенной в понятии «произведение науки, литературы и искусства», т.е. заведомой неприродности, искусственности. Конечно, следует согласиться с другим посылом исследователя, что право существует для людей, ИИ не может быть заинтересован в наделении его правами²⁶.

Аналогичную позицию ранее озвучивал В. С. Витко: «Допуская возможность самостоятельного машинного творчества... мы приходим к необходимости признания гражданской правоспособности машинного интеллекта»²⁷.

Считаем такой подход неверным. Уже в настоящее время даже так называемый слабый ИИ (нейросети) в состоянии продуцировать объекты, вполне сопоставимые с результатами деятельности человека. И такие объекты, пусть медленно, становятся всё более востребованными на практике, а не только в качестве забавного курьеза.

Близкий к данному подход — редуцирование вопроса к технической проблематике: указание на возможность наделения юнита субъектностью в случае появления сильного ИИ²⁸.

²² Вавилин Е. В. Указ. соч. С. 155.

²³ Белькова Е. Г. Произведения, созданные технологиями искусственного интеллекта // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 2 (88). С. 154.

²⁴ Голованов Н. М. Указ. соч. С. 26.

²⁵ Комашко М. Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 42. № 3. С. 106.

²⁶ Комашко М. Н. Указ. соч. С. 105–106.

²⁷ Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 18.

²⁸ См., например: Морхат П. М. Искусственный интеллект как автор произведения: могут ли роботы творить? // Власть закона. 2019. № 1 (37). С. 93; Свиридова Е. А. Проблема определения субъекта авторских

В. Н. Синельникова указывает на невозможность самостоятельного участия «кибер-субъектов» в экономическом обороте на том основании, что если человек приобретает навык распознавания лиц в самом раннем возрасте, то даже «современнейшая IT-программа различает лица на самом примитивном уровне, поэтому для идентификации субъекта использует дополнительную информацию (сетчатку глаза, папиллярные узоры на пальцах и другие признаки индивидуализации)»²⁹. Даже не говоря о спорности тезиса о неспособности распознавания лиц современными нейросетями, следует заметить, что всё меньшее количество сделок требует такого распознавания, прямого контакта с потенциальным контрагентом для заключения договора часто не требуется.

Нужно согласиться с авторами, указывающими на то, что препятствием к признанию ИИ субъектами права является отсутствие у них воли³⁰. Но не следует на этой констатации останавливаться: даже современный уровень развития теоретически позволяет эту волю у ИИ сформировать, однако она будет в своих базовых параметрах зависеть от целей разработчика (или «учителя» программы), добросовестность которых, как уже отмечалось, сложно проконтролировать. При этом установки ИИ не будут иметь опоры в инстинктах, обусловленных физической природой, как у человека. И кроме технических сложностей, возникает вопрос целесообразности. Возможно, задачей человека является преобразование самого себя, а не создание идеальных виртуальных личностей?

В. О. Калятин указывает в качестве аргумента против субъектности ИИ то, что это предоста-

вит возможность его владельцу уйти от ответственности за его использование, хотя немного ранее объяснял появление юридических лиц необходимостью ограничения ответственности в ходе коммерческой деятельности³¹. Но совершенно справедливо там же сделанное замечание исследователя о неясности плюсов появления нового субъекта дополнительно к уже существующим, тем же юридическим лицам.

В этой связи надо упомянуть несколько особняком стоящую концепцию разработки специальной организационно-правовой формы юридического лица. Так, Б. А. Шахназаров, отрицая самостоятельную правосубъектность ИИ, предлагает включить в законодательство «особую форму организации деятельности ИИ <...> при наличии обособленного имущества, фондов денежных средств с обязательным обозначением лиц, контролирующих деятельность ИИ»³².

Разумеется, это выглядит намного реалистичнее придания статуса субъекта самому ИИ. Однако если речь идет о принципиально новой организационно-правовой форме, то следует отметить, что процесс нахождения баланса между интересами кредиторов юридического лица и интересами лиц, определяющих его деятельность, был длительным и продолжает совершенствоваться (вспомним относительно недавнее появление субсидиарной ответственности органов и учредителей хозяйственных обществ в российском праве). Выстраивание подобных отношений с чистого листа применительно к совершенно новому субъекту неизбежно приведет к издержкам для участников гражданского оборота.

прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Государство и право. 2021. С. 102–103 ; Черноусов Д. А. Искусственный интеллект: первые шаги к субъектности в праве // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 41. № 2. С. 103.

²⁹ Синельникова В. Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 325.

³⁰ Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2020. № 2. С. 100–101, 103.

³¹ Калятин В. О. Указ. соч. С. 42–43.

³² Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 9 (142). С. 63, 69.

В настоящей статье не рассматриваются другие, отличные от собственной правосубъектности ИИ подходы к решению вопроса о закреплении прав на продуцированные ИИ результаты, это неоправданно расширило бы ее тематику. Автору представляется наиболее обоснованной концепция закрепления *первоначальных* прав за разра-

ботчиками ИИ, пожалуй, преобладающая в специальной литературе. Но еще раз подчеркнем, что при ином решении рассмотрение собственной правосубъектности ИИ на данном этапе объективно препятствует развитию юридической науки в сфере регулирования отношений, связанных с использованием ИИ, а значит, и развитию права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правообъектности // Закон. — 2017. — № 5. — С. 157–170.
2. *Белькова Е. Г.* Произведения, созданные технологиями искусственного интеллекта // Академический юридический журнал. — 2022. — Т. 23. — № 2 (88). — С. 153–160.
3. *Вавилин Е. В.* Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2022. — № 45. — С. 147–158.
4. *Витко В.* Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 2. — С. 5–20.
5. *Голованов Н. М.* Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Теория права и межгосударственных отношений. — 2022. — Т. 1. — № 9 (21). — С. 23–29.
6. *Ивлиев Г. П., Егорова М. А.* Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 6. — С. 32–46.
7. *Калятин В. О.* Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 15. — № 4. — С. 24–50.
8. *Комашко М. Н.* Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. — 2022. — Т. 42. — № 3. — С. 98–109.
9. *Морхат П. М.* Право на результаты интеллектуальной деятельности, произведенные юнитом искусственного интеллекта: гражданско-правовые проблемы // Право и государство. — 2018. — № 1–2 (78–79). — С. 204–215.
10. *Морхат П. М.* Искусственный интеллект как автор произведения: могут ли роботы творить? // Власть закона. — 2019. — № 1 (37). — С. 82–95.
11. *Рожкова М. А.* Станет ли искусственный интеллект самостоятельным субъектом права? // Хозяйство и право. — 2021. — № 6. — С. 14–22.
12. *Свиридова Е. А.* Проблема определения субъекта авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Государство и право. — 2021. — № 2. — С. 95–103.
13. *Синельникова В. Н.* Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 320–328.
14. *Черноусов Д. А.* Искусственный интеллект: первые шаги к субъектности в праве // Труды по интеллектуальной собственности. — 2022. — Т. 41. — № 2. — С. 98–106.
15. *Хисамова З. И., Бегишев И. Р.* Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2020. — № 2. — С. 96–106.
16. *Шахназаров Б. А.* Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 9 (142). — С. 63–72.

Материал поступил в редакцию 11 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arkhipov V. V., Naumov V. B. O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatelstva o robototekhnike: aspekty voli i pravoobektnosti // *Zakon*. — 2017. — № 5. — S. 157–170.
2. Belkova E. G. Proizvedeniya, sozdannye tekhnologiyami iskusstvennogo intellekta // *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*. — 2022. — T. 23. — № 2 (88). — S. 153–160.
3. Vavilin E. V. Status iskusstvennogo intellekta: ot obekta k subektu pravovykh otnosheniy // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. — 2022. — № 45. — S. 147–158.
4. Vitko V. Analiz nauchnykh predstavleniy ob avtore i pravakh na rezultaty deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta // *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. — 2019. — № 2. — S. 5–20.
5. Golovanov N. M. Problemy pravosubektnosti iskusstvennogo intellekta // *Teoriya prava i mezhsudarstvennykh otnosheniy*. — 2022. — T. 1. — № 9 (21). — S. 23–29.
6. Ivliev G. P., Egorova M. A. Yuridicheskaya problematika pravovogo statusa iskusstvennogo intellekta i produktov, sozdannykh sistemami iskusstvennogo intellekta // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2022. — T. 26. — № 6. — S. 32–46.
7. Kalyatin V. O. Opredelenie subekta prav na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti, sozdannye s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta, i ego vliyanie na razvitie grazhdanskogo zakonodatelstva // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. — 2022. — T. 15. — № 4. — S. 24–50.
8. Komashko M. N. Institut avtorstva i iskusstvennyy intellekt // *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti*. — 2022. — T. 42. — № 3. — S. 98–109.
9. Morkhat P. M. Pravo na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti, proizvedennye yunitom iskusstvennogo intellekta: grazhdansko-pravovye problemy // *Pravo i gosudarstvo*. — 2018. — № 1–2 (78–79). — S. 204–215.
10. Morkhat P. M. Iskustvennyy intellekt kak avtor proizvedeniya: mogut li roboty tvorit? // *Vlast zakona*. — 2019. — № 1 (37). — S. 82–95.
11. Rozhkova M. A. Stanet li iskusstvennyy intellekt samostoyatel'nyim subektom prava? // *Khozyaystvo i pravo*. — 2021. — № 6. — S. 14–22.
12. Sviridova E. A. Problema opredeleniya subekta avtorskikh prav na proizvedeniya, sozdannye iskusstvennym intellektom // *Gosudarstvo i pravo*. — 2021. — № 2. — S. 95–103.
13. Sinelnikova V. N. Pravovoy rezhim rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti, sozdannykh samorazvivayushchimisya programmami // *Permskiy yuridicheskii almanakh*. — 2019. — № 2. — S. 320–328.
14. Chernousov D. A. Iskustvennyy intellekt: pervye shagi k subektnosti v prave // *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti*. — 2022. — T. 41. — № 2. — S. 98–106.
15. Khisamova Z. I., Begishev I. R. Sushchnost iskusstvennogo intellekta i problema opredeleniya pravosubektnosti // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya»*. — 2020. — № 2. — S. 96–106.
16. Shakhnazarov B. A. Pravovoe regulirovanie otnosheniy s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta // *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. — 2022. — T. 17. — № 9 (142). — S. 63–72.